

Вступление
**Граф С.Ю. Витте: необычная карьера
необычного мемуариста**

Граф Сергей Юльевич Витте (1849–1915) — один из самых выдающихся государственных деятелей Российской империи конца XIX — начала XX в., причем таковым он прослыл еще при жизни. Это объяснялось его неординарными способностями и необычной карьерой, которую он сделал за довольно короткий срок, не в последнюю очередь и по причине своих родственных связей. Сын простого разночинца, русского немца, действительного статского советника Юлия Федоровича Витте, выслужившего потомственное дворянство только в 1856 г., когда его сыну было семь лет, С.Ю. Витте, однако, через мать, урожденную Фадееву, являлся внуком бабушки, принадлежавшей к знаменитому роду князей Долгоруковых.

Получив домашнее образование, в 1866 г. С.Ю. Витте выдержал экзамен при Кишиневской гимназии и поступил на Физико-математический факультет Новороссийского (Одесского) университета, который окончил в 1870 г. с первой ученой степенью кандидата, данной за работу «О бесконечно малых величинах» (опубликованную впоследствии во Франции). В том же году он поступил на службу в дирекцию Одесской железной дороги, в 1871 г. — в Канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, в 1874 г. — перешел в Департамент общих дел МПС. Одновременно С.Ю. Витте находился не только на государственной, но и на частной службе — в управлении Одесской железной дороги, где последовательно занимал должности конторщика грузовой службы, помощника машиниста, начальника станции, контролера движения, заведующего конторой движения, помощника начальника эксплуатации и с 1877 г. — помощника управляющего по движению и начальника эксплуатации. В 1878 г. молодой и многообещающий 29-летний железнодорожный делец был назначен заведующим Отделением эксплуатации Правления Юго-Западных железных дорог, находившегося в Петербурге, а в 1880 г. — начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог (в Киеве).

После покушения на императора Александра II, состоявшегося 1 марта 1881 г. в Петербурге и закончившегося его кончиной, С.Ю. Витте написал письмо своему дяде, публицисту генералу Р.А. Фадееву, который пользовался близостью к новому императору Александру III. В письме С.Ю. Витте предложил образовать тайное общество для защиты царя и борьбы с революционерами, что нашло свое воплощение в «Святой дружине» (неверное наименование — «Священная дружина»). Эта конспиративная антиреволюционная консервативно-либеральная организация, созданная по

образцу мasonicких лож, официально действовала в 1881–1882 гг. В «Святой дружине» С.Ю. Витте занял один из руководящих постов, заведую Киевским округом этой организации, а также — был одним из ее публицистов-идеологов, исповедуя славянофильство. Позднее, в 1890-е гг., С.Ю. Витте порвет со славянофильством и станет убежденным западником, отдавая дань прагматизму, а не доктринерству.

Железнодорожная карьера С.Ю. Витте, между тем, достигала своего пика, поскольку в 1886 г. он стал управляющим Юго-Западными железными дорогами. Более того, после состоявшегося 17 октября 1888 г. крушения царского поезда в Борках, С.Ю. Витте привлекли к расследованию этой катастрофы как эксперта, чем в очередной раз он обратил на себя внимание Александра III. Восхищенный компетентностью специалиста по железнодорожным тарифам, которым С.Ю. Витте посвятил особую книгу, царь уже в 1889 г. назначил С.Ю. Витте директором созданного по его предложению Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, ведавшего железнодорожными тарифами. Одновременно император произвел своего протеже из титулярных советников (чин 9-го кл.) сразу в действительные статские советники (чин 4-го кл.), дав ему «перелететь» через четыре чина — случай, небывалый в истории царской бюрократии! С этого времени С.Ю. Витте постоянно пользовался благоволением Александра III, назначившего его в феврале 1892 г. управляющим МПС, а в августе того же года — управляющим Министерством финансов, с утверждением в должности министра финансов в январе 1893 г.

Занимая в 1892–1903 гг. пост министра финансов, С.Ю. Витте приобрел репутацию едва ли не лучшего руководителя Финансового ведомства Российской империи за всю его историю. Вместе с тем, при Александре III и при его преемнике Николае II, вступившем на престол в 1894 г., С.Ю. Витте позиционировал себя как бескомпромиссного противника конституционализма, исходя как из принципиальных, так и из прагматических соображений. Под руководством С.Ю. Витте были осуществлены такие значительные экономические реформы, как введение винной монополии, позволившей улучшить качество спиртных напитков, централизовать и увеличить доходы от их продажи, установление золотого обращения рубля, благодаря чему он стал одной из самых устойчивых и авторитетных валют в цивилизованном мире. С.Ю. Витте, как министр финансов, всячески содействовал строительству Великой Сибирской железной дороги (Транссиба) — самой длинной в истории человечества железнодорожной магистрали, связавшей Центральную Россию с Сибирью и Дальним Востоком. Эти и другие экономические реформы С.Ю. Витте способствовали небывалому росту промышленности России и превращению ее из аграрно-промышленной страны в промышленно-аграрную.

Вторая половина 1890-х гг. — отмечена распространением влияния С.Ю. Витте как министра финансов за пределы собственно Финансового ведомства в область внешней, а конкретно — дальневосточной политики. В результате при поддержке С.Ю. Витте строятся пролежавшие по территории Маньчжурии и создавшие предпосылки для колонизации Россией этой провинции Китая Китайско-Восточная и Южно-Маньчжурская железные

дороги, а также город Дальний и крепость Порт-Артур на Квантунском полуострове. Параллельно влияние С.Ю. Витте активно выходило за границы Министерства финансов и в сферу МВД при решении крестьянского вопроса, что выразилось в его назначении, в январе 1902 г., председателем Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое он возглавлял до 1905 г. Вследствие разногласий с Николаем II относительно целей и методов политики России на Дальнем Востоке в августе 1903 г. С.Ю. Витте получил почетную отставку в виде назначения председателем Комитета министров и оставался безучастным свидетелем начала в январе 1904 г. русско-японской войны 1904–1905 гг.

Возвращение С.Ю. Витте к активной деятельности произошло в связи с тем, что ему, как председателю Комитета министров, Николай II поручил осуществление Указа 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», содержавшего программу либеральных реформ. Активизации государственной деятельности С.Ю. Витте способствовала и начавшаяся 9 января 1905 г. Первая русская революция. С 17 января до 16 апреля 1905 г. С.Ю. Витте, по повелению Николая II, председательствовал не только в Комитете министров, но и в Совещании министров и председателей департаментов Государственного совета для обсуждения настоящего положения и представления на благовоззрение царя предположений о мерах государственной важности, вызываемых последними событиями, в связи с дальнейшими мероприятиями по успокоению страны и необходимыми реформами, сверх возведенных в Указе 12 декабря 1904 г. Под «реформами» в данном случае подразумевалось обсуждение вопроса и создание народного представительства. Летом 1905 г. в центре внимания С.Ю. Витте оказалась подготовка мирных переговоров с Японией, поскольку царь назначил его первым уполномоченным России на этих переговорах, проходивших в июле-августе в Портсмуте (США). Благодаря проявленным С.Ю. Витте дипломатическим дарованиям переговоры завершились подписанием 23 августа (5 сентября) 1905 г. Портсмутского мирного договора, который, несмотря на поражение, понесенное Россией в войне, оказался для нее чрезвычайно почетным.

За выдающиеся заслуги 18 сентября Николай II возвел С.Ю. Витте в графы, однако почивать на лаврах ему не пришлось, поскольку в России разгоралось революционное движение. Царь назначил его первым в истории России председателем объединенного правительства, Совета министров, и поручил кабинету С.Ю. Витте в составленном при его участии Манифесте 17 октября 1905 г. наряду с подавлением революции подготовить: 1) дарование населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; 2) привлечение к участию в учрежденной Николаем II 6 августа 1905 г. Государственной думе тех классов населения, которые еще не имели избирательных прав (речь шла о рабочих) и 3) преобразование законосовещательной Государственной думы в законодательную, установив как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа была обеспечена возможность действительного участия в надзоре за

закономерностью действий властей. Так С.Ю. Витте, принципиальный сторонник «просвещенного абсолютизма», вошел в историю как отец русской конституции.

Совет министров под председательством С.Ю. Витте за рекордно короткие полгода, с октября 1905 по апрель 1906 г., не только успешно подавил основные очаги революции в Центральной и Азиатской России, но и издал временные законы о свободе слова, собраний и союзов и новый демократический избирательный закон. Также был создан двухпалатный российский парламент в виде Государственного совета и Государственной думы, и подготовлены новые Основные государственные законы 1906 г., которые подвели итоги всем предшествовавшим преобразованиям. Тем не менее, С.Ю. Витте не снижал доверия ни у русского общества, ни у Николая II. Революционеры ненавидели графа как подавителя революции, либералы считали его недостаточно либеральным, консерваторы — недостаточно консервативным, а царь — упрекал С.Ю. Витте за политическое «хамелеонство», за недостаточно искреннее верноподданство. В итоге в апреле 1906 г., перед самым открытием I Государственной думы, С.Ю. Витте подал прошение об отставке. С этих пор карьера графа, остававшегося рядовым членом Государственного совета, закатилась окончательно, и он был вынужден довольствоваться подготовкой своих мемуаров, которые сделали С.Ю. Витте едва ли не более знаменитым, чем его государственная деятельность. Объясняется это тем, что мемуары графа — не просто некое бесстрастное повествование, а настоящее интеллектуальное оружие, навостренное им и даже напоенное ядом против всех, вплоть до Николая II, кого он считал (справедливо или несправедливо — другой вопрос) своими врагами и кого собирался победить если не при жизни, то после смерти, во время «битвы документов». Мемуары покойного С.Ю. Витте были опубликованы впервые его вдовой графиней М.И. Витте и И.В. Гессеном в трех томах в Берлине в 1922 г. Читая воспоминания С.Ю. Витте, лишний раз убеждаешься, что великий человек — велик не только в своих достоинствах, но и в своих недостатках, в своих ошибках — вольных или невольных, и что, в конечном итоге — Бог ему судья...

Сергей Куликов

ВОСПОМИНАНИЯ
Том 1

Глава первая

О предках

Мне 62 года, я родился в Тифлисе в 1849 году.

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать моя — Екатерина Андреевна Фадеева, дочь члена Главного Управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, которая была последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова. Мой дед приехал на Кавказ при наместнике светлейшем князе Воронцове, который положил прочное гражданское основание управлению Кавказом. Ранее дед управлял иностранными колониями в Новороссийском крае, когда светлейший князь Воронцов был Новороссийским генерал-губернатором, а еще ранее этого мой дед Фадеев был губернатором в Саратове. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом.

Вторая дочь была моя мать. Третья дочь осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет, — она ныне живет в Одессе. Сын же деда — генерал Фадеев — был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника кавказского. Фадеев известен, как выдающийся военный писатель. Когда дед был губернатором в Саратове, министром внутренних дел того времени Перовским был командирован в Саратовскую губернию мой отец — дворянин Витте, как специалист по сельскому хозяйству. Там он влюбился в мою мать и женился на ней. Отец мой окончил курс в Дерптском университете; затем он изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии. Он приехал на Кавказ вместе с семьей Фадеевых и кончил свою карьеру тем, что был директором Департамента Земледелия на Кавказе. Он умер сравнительно в молодых годах, т.е. ему было немного более 50 лет.

Старшая дочь, Ган (Зинаиды Р.), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, Блавацкая; младшая же дочь — известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, Желиховская. Сын г-жи Ган был ничтожной личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

Теперь я остановлюсь несколько на личности Блавацкой, как весьма прогремевшей одно время теофизитке и писательнице. Я помню, что когда я познакомился в Москве с Катковым, он заговорил со мной о моей двоюродной сестре Блавацкой, которую он лично не знал, но перед талантом которой преклонялся, почитая ее совершенно выдающимся человеком. В то время в его журнале «Русский Вестник» печатались известные рассказы Блавацкой «В дебрях Индостана», и он был очень удивлен, когда я высказал мое мнение, что Блавацкую нельзя принимать всерьез, хотя, несомненно, в ней был какой-то сверхъестественный талант. Когда Ган умерла, дед мой Фадеев взял обеих дочерей к себе на Кавказ. Вскоре Желиховская вышла замуж за первого своего мужа Яхонтова, псковского помещика; Блавацкая — вышла замуж за Блавацкого, Эриванского вице-губернатора. Тогда меня или не было на свете, или же я был еще совершенно мальчиком, а потому Блавацкую в то время не помню, но по рассказам домашних я знаю следующее: вскоре она бросила мужа и переехала из Эривани в Тифлис к деду.

В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе с семьей Витте и занимал в Тифлисе громадный дом, недалеко от Головинского проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору, название которого я не запомнил. Жил он так, как жилали в прежнее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т.е. прислуги) у нас было около 84 человек — я помню отлично даже эту цифру — громадное большинство этой дворни были крепостные Долгорукой...

Когда Блавацкая появилась в дом Фадеевых, то мой дед счел, прежде всего, необходимым отправить ее скорее в Россию к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда никаких железных дорог на Кавказ еще, конечно, не было, то отправка Блавацкой совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека — дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный 4-мя лошадьми. Вот каким образом совершались эти дальние поездки. Блавацкая была отправлена с этой свитой до Поти, а из Поти предполагали далее отправить ее морем в один из Черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Поти, там стояло несколько пароходов и в их числе один английский пароход. Блавацкая снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, — они своей барыни не нашли: Блавацкая в трюме английского парохода удрала в Константинополь. В Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов — бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего «внука» оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда — Блавацкой, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блавацкого, Эриванского губернатора, не получала. Прошло несколько времени и мой дед и бабушка — Фадеевы,

вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блавацкой, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блавацкая появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом известного спирита того времени, т.е. 60-х годов прошлого столетия, — Юма. Затем из газет семейство Фадеевых узнало, что Блавацкая дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершею хора, который содержал при себе Сербский король Милан. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10 лет ее жизни, и наконец она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем — Блавацким. И вот, хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне располнела и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а потому никакой привлекательности не имела. Вот в это то время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев — все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее в тайне от главы семейства — моего деда, а также и от моей бабушки, Фадеевых; также ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адъютантами фельдмаршала Бярятинского были: граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник Кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев, — это все были молодые люди из Петербургской гвардейской — *jeunesse dorée*; я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блавацкой довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было сделано весьма искусно: так, например, раз при мне, по желанию одного из присутствующих, в другой комнате начал играть фортепиано, совсем закрытый, и никто в это время у фортепиано не стоял. Теперь, как кажется, ко всем этим спиритическим действиям общественное мнение Европы, а также и у нас в России, относится как к шарлатанству; тогда же этим очень увлекались, и Юм, который был, конечно, точно также ничто иное, как ловкий и талантливый фокусник, считался весьма знаменитым человеком, а Блавацкая, будучи сотрудницей Юма, конечно, заимствовала от него все приемы и спиритические тайны. Впрочем, к сожалению, в последние годы у нас в Петербурге, по-видимому, начал опять процветать своего рода особый спиритизм, т.е. неврастеническое верование в проявления, в различных формах и в различных признаках, умерших лиц, и этот спиритизм, к сожалению, даже имел некоторые печальные последствия в государственной жизни.

В этот период своей жизни Блавацкая начала сходиться с этим мужем и даже поселилась вместе с ним в Тифлисе. Но вдруг в один прекрасный день ее на улице встречает оперный бас Митрович, который после своей блестящей карьеры в Европе, уже постарев и потеряв отчасти свой голос, получил ангажемент в тифлисскую итальянскую оперу. Так как Митрович всерьез считал Блавацкую своей женой, от него убежавшей, то, встретившись с нею на улице, он, конечно, сделал ей скандал. Результатом этого скандала было то, что Блавацкая вдруг из Тифлиса испарилась. Оказалось, что она вместе со своим мнимым мужем, басом Митровичем, который также бросил оперу, удрали с Кавказа. Затем Митрович получил ангажемент в киевскую оперу, где он начал петь по-русски, чему учила его мнимая супруга Блавацкая, и несмотря на то, что Митровичу в это время уже было, вероятно, под 60 лет, он, тем не менее, отлично пел в Киеве в русских операх, напр., в «Жизни за Царя», «Русалке» и проч., так как при своем таланте он легко мог изучать свои роли под руководством, несомненно, талантливой Блавацкой. В это время в Киеве генерал-губернатор был князь Дундуков-Корсаков.

Этот Дундуков-Корсаков, во время молодости Блавацкой, раньше чем она вышла замуж за Блавацкого, знал ее, потому что в это время он командовал на Кавказе (где жила и Блавацкая) одним из драгунских полков (Нижегородским). Какие недоразумения произошли между Блавацкой и Дундуковым-Корсаковым — генерал-губернатором Киева, я не знаю, но знаю только то, что в Киеве вдруг на всех перекрестках появились наклеенные на стенах стихотворения, очень неприятные для Дундукова-Корсакова. Стихотворения эти принадлежали Блавацкой. Вследствие этого Митрович со своей мнимой супругой Блавацкой должны были оставить Киев и появились в Одессе.

В это время в Одессе уже проживала моя мать со своею сестрой и своими детьми, в том числе и мною (мой дед, моя бабушка и отец уже умерли в Тифлисе), так как я и мой брат были там студентами университета. Тогда я уже был настолько развит, что мог вполне критически отнестись к Блавацкой и, действительно, я составил себе совершенно ясное представление об этой выдающейся и до известной степени демонической личности. Уехав из Киева и поселившись в Одессе, Блавацкая с Митровичем должны были найти себе средства для жизни. И вот вдруг Блавацкая сначала открывает магазин и фабрику чернил, а потом цветочный магазин (т.е. магазин искусственных цветов). В это время она довольно часто приходила к моей матери, и я несколько раз заходил к ним в этот магазин. Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громаднейшим талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке — она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже и Лондоне; никогда не изучая теорию музыки — она сделалась капельмейстером оркестра и хора у Сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков — она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, — многократно, на моих глазах, она писала длиннейшие

письма стихами своим знакомым и родным, с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились, как музыка, и которые не содержали в себе ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе — неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда кроме правды ничего не говорят.

Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимому, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, — поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказав попросту, что-то чертовское, хотя, в сущности, она была очень незлобивый, добрый человек. Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я после никогда в моей жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т.е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут возвыситься до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т.е. на людей, которые ищут начал загробной жизни и, так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей жизни. Я думаю, что знаменитый Катков, столь умный человек, человек, который умел относиться к явлениям жизни реально, вероятно, раскусил бы Блавацкую, если бы он с нею сталкивался. Но, насколько у Блавацкой был своеобразный и великий талант, служит доказательством то, что такой человек, как Катков, мог увлекаться феерическими рассказами «В дебрях Туркестана», которые печатались в его журнале — рассказами, которые он считал безусловно выдающимися и необыкновенными. Впрочем, мне и до настоящего времени приходится иногда слышать самые восторженные отзывы об этих рассказах, которые печатались в «Русском Вестнике» несколько десятков лет тому назад. Конечно, цветочный магазин, открытый в Одессе г-жою Блавацкой, после того, как прогорел ее магазин по продаже чернил, также был закрыт по той же причине, и тогда Митрович, которому было уже 60 лет, получил ангажемент в итальянскую оперу в Каире, куда он и отправился вместе с Блавацкой.

Отношение его к Блавацкой было удивительно; он представлял собою беззубого льва, вечно стоявшего на страже у ног своей повелительницы, уже довольно старой и тучной дамы, как я уже указывал выше, ходившей большею частью в грязных капотах. Не доезжая до Каира, пароход совсем у берега потерпел крушение. Митрович, очутившись в море, при помощи других пассажиров, спас Блавацкую, но сам он потонул. Таким образом, Блавацкая явилась в Каир в мокром капоте и мокрой юбке, не имея ни гроша денег. Как она выбралась оттуда, — я не знаю. Но, затем она очутилась в Англии и стала основывать там новое теософическое общество и, для вящего подкрепления начал этого общества, она отправилась в Индию, где

изучала все индийские тайны. Это пребывание в Индии, между прочим, и послужило темой для указанных ранее статей «В джунглях Туркестана», которые она писала, конечно, для того, чтобы заработать некоторое количество денег. По возвращении из Индии она приобрела уже много адептов и поклонников в своем новом теософическом учении, поселилась в Париже и там была главой всех теозофитов. Вскоре она заболела и умерла. Но теософическое учение осталось в различных частях света; еще в настоящее время во многих местах имеются теософические общества, и еще недавно в Петербурге издавался теософический журнал. В конце концов, если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блавацкая может служить этому отличным доказательством; в ней несомненно был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, — из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блавацкой на время ее земной жизни.

Вторая дочь «Зинаида Р.», Вера Петровна Желиховская, хорошо известна благодаря своим книгам в Петербурге и вообще в больших Российских городах; по крайней мере мне постоянно матери говорят о книгах, ею написанных, и сожалеют, что ее уже больше нет в живых и что теперь больше нет книг, которые были бы удобны для чтения юношества. Признаться, я ни одной книги ее не читал.

Как я говорил, она была сначала замужем за Яхонтовым, а затем, когда Яхонтов умер, она со своими детьми переехала в Тифлис, в дом Фадеевых, влюбилась в учителя тифлисской гимназии, впоследствии директора гимназии, — Желиховского. Фадеевы, которые были очень не чужды особого рода дворянского, или вернее, боярского чванства 60–70 годов, — конечно, о такой свадьбе и слышать не хотели. Вследствие этого, Вера Петровна бежала из дому, вышла замуж за Желиховского, и в доме Фадеевых он никогда не бывал. После, когда бабушка Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, и Фадеев умерли, мои отец и мать начали принимать Желиховских.

У Желиховской осталось двое сыновей от мужа Яхонтова, из которых — первый полковник одного из драгунских кавалерийских полков, и три дочери от Желиховского; старшая дочь вышла замуж за американца публициста Джонсона. Он представлялся мне со своей женой в Нью-Йорке, когда я был в Америке, по случаю заключения мирного трактата с Японией. Две других дочери Желиховской находятся в Одессе, из которых одна несколько недель тому назад вышла замуж за семидесятилетнего корпусного командира.

Относительно семейства Витте, я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянин Псковской губернии, хотя и Балтийского происхождения. Предки его были голландцы, приехавшие в Балтийскую губернию, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная,

не в смысле черносотенного православия, а в лучшем смысле этого слова — истинно православная, что, конечно, не смотря ни на какую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы, или во всяком случае, в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным и, так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьей Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис и третий — я, Сергей, а затем две дочери, которые были моложе меня, одна — Ольга, другая — Софья.

Мой старший брат — Александр умер после последней Турецкой войны. Он кончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени. До сих пор наиболее любимые песни, которые поются в этом полку упоминают о храбром майоре Витте. Александр был средних умственных способностей, среднего образования, но был прекраснейшей души человек. Его любили все товарищи, а также и те офицеры, с которыми он когда-нибудь сталкивался. Перед войной с Турцией он дрался на дуэли с сыном бывшего товарища министра иностранных дел при Горчакове — Вестеманом, которого и убил. Дуэль эта, как мне, помню, рассказывал мой брат, произошла по следующим причинам: полк в это время стоял в Пятигорске, куда, как известно, постоянно на лето приезжают различные семейства из России и Кавказа для лечения и вообще для времяпрепровождения. Приехало туда и одно семейство, в котором была одна барышня. Вестеман, служивший в Северском полку, который стоял в Пятигорске, влюбился в эту барышню. Мой брат Александр был очень близок этому семейству и часто его посещал, вследствие чего Вестеман весьма ревновал моего брата, хотя Александр был среднего роста, очень тучный, некрасивый, — совершенно вахлак, но весьма симпатичный, добродушный человек, у которого в глазах постоянно сквозила доброта. В противоположность ему Вестеман был очень красивый, галантный офицер. В Пятигорске был офицерский клуб, старшиною которого был мой брат. И вот, однажды, на балу в этом клубе во время танцев, сидел Александр вместе с этой барышней; затем его позвали по каким-то клубным делам, он ушел, возвращается, а на его месте сидит Вестеман; рядом же с барышней — свободный стул (вероятно, этот стул барышня и поставила для моего брата). Когда Александр сел на этот стул, Вестеман, обратившись к нему, сказал: «Что же вы сели сюда для того, чтобы подслушивать наш разговор?» На это мой брат ответил, что он не имел в виду ничего подобного и решительно не может понять, какие такие разговоры может вести с ним барышня, которые бы составляли тайну. Во всяком случае, он ничего слушать не хочет и готов сию же минуту удалиться. На это Вестеман сказал: «Да, я знаю, что вы подлец».

На следующий день мой брат отправил к Вестеману двух своих товарищей, чтобы они передали ему, что несомненно вчера Вестеман был пьян, почему он его выходку и оставил вчера без последствий; но, что он

надеется, что теперь Вестеман явится к нему извиниться в присутствии офицеров. На это Вестеман сказал, что он совершенно не желает извиняться, что он назвал Александра именно подлецом, чтобы последовали все последствия, происходящие от такого слова. На это брат послал ему вызов. Вестеманом были назначены секунданты и произошла дуэль на следующих условиях: драться должны были до тех пор, пока один из участников не будет или убит, или так ранен, что не в состоянии будет владеть пистолетом; начать стрельбу на расстоянии 40 шагов; подходить постепенно по 10 шагов и, всякий раз, пройдя расстояние в 10 шагов, обмениваться выстрелами. Мне Александр рассказывал (что впоследствии и на суде подтверждено было, когда брата судили), что по первому сигналу он выстрелил на воздух, а Вестеман выстрелил так, что пуля проскочила мимо самого уха брата, и он почувствовал контузию. Тогда брат послал секундантов спросить: не согласится ли Вестеман теперь извиниться? Вестеман отказался, сказав что дерется для того, чтобы кто-нибудь из двух был убит. Последовал второй сигнал; брат выстрелил опять на воздух, а Вестеман опять так, что пуля его пролетела мимо другого уха Александра. Брат мне впоследствии рассказывал, что он тогда очень разозлился, но все-таки опять послал секундантов потребовать от Вестемана извинения, последний отказался и только в третий раз брат уже стрелял, целясь; пуля Вестемана прошла и на этот раз мимо, а брат убил его наповал. В то время кавказским наместником уже был Великий Князь Михаил Николаевич, который очень любил моего брата и во время военного суда, проходившего в Тифлисе, все время находился в суде. В конце концов брата моего присудили к шестимесячному аресту в крепости, но Александр не просидел, кажется, и двух месяцев, так как была объявлена Восточная война, и он по распоряжению Великого Князя был освобожден и пошел на войну вместе со своим полком в качестве эскадронного, а потом и дивизионного командира.

На войне он многократно отличался, но ни разу не был ранен.

Самый известный его подвиг это тот, когда его корпусный командир, впоследствии граф Лорис-Меликов, на основании планов Генерального Штаба, послал брата с его адъютантом и двумя сотнями казаков сделать рекогносцировку около Карса, причем Александру была дана карта, по которой он должен был проехать по одному направлению около Карса, а вернуться по-другому. Из рассказов моего брата я знаю, что произошло следующее: когда он поехал на рекогносцировку, причем адъютант или состоящий при нем офицер держал перед собой эту карту, вдруг он встречается с несколькими турецкими батальонами, и так как Александр имел приказание проехать кругом и вернуться с другой стороны, то и командовал «в атаку». Его эскадрон прорвался через цепь турецкой пехоты, оставив сравнительно незначительное число людей. Начали скакать далее; вдруг он видит перед собой громадную пропасть, которую невозможно было проехать, и если бы прыгнуть в эту пропасть, то все, без исключения, погибли бы в ней. Тогда Александр приказал свернуть и атаковать в обратном направлении. В это время к турецкому батальону, из которого много людей было уже ими уничтожено, подоспела помощь, и Александр